

Litera

Правильная ссылка на статью:

Орлова М.В. Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа // Litera. 2024. № 8. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.8.71624 EDN: SLHVKY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71624

Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа

Орлова Мария Владимировна

аспирант; филологический факультет; Московский Государственный Университет

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1, кв. 10

✉ mriaorlova@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.8.71624

EDN:

SLHVKY

Дата направления статьи в редакцию:

28-08-2024

Дата публикации:

04-09-2024

Аннотация: В статье на материале 100 выпусков подкастов (звуковых передач, распространяющихся в интернете), записанных в 20-х гг. XXI в., анализируется использование глагольно-именных дескрипций (сочетаний десемантизированного глагола типа делать/сделать, давать/дать, вести/проводить и др. с называющими действие существительными типа шаг, действие, ответ и др.) в современной русской устной речи. Ставится под сомнение распространенное представление об исключительной принадлежности таких конструкций книжной разновидности литературного языка. Исследуются причины, по которым говорящие отдают предпочтение описательным названиям действия: в частности, выделяются дескрипции, не имеющие коррелятивного глагола; дескрипции с определением или кванторным словом при имени; дескрипции с неопределенным значением. Отдельно анализируются

случаи, когда предложение с описательным оборотом может быть трансформировано при помощи однословного коррелята (глагола). В подкастах разговорного жанра, предполагающих свободный диалог нескольких собеседников и различающихся по числу, полу и возрасту ведущих, отмечается и анализируется использование глагольно-именных дескрипций. В статье впервые рассматриваются глагольно-именные дескрипции на материале современной спонтанной устной речи, что позволяет делать выводы о реальном использовании таких конструкций носителями русского языка. Делается вывод о том, что дескрипции регулярно используются в современной устной речи при необходимости дать дополнительные характеристики называемой ситуации, описать ее квантитативный характер или элиминировать из описания ситуации ряд участников, например объект. Кроме того, в статье впервые предлагается шкала акциональности предикатов, которая может использоваться для описания различных способов обозначения ситуации с точки зрения ее процессуальности или «предметности» — в зависимости от коммуникативного намерения говорящего. Эта шкала также позволяет оценить вероятность использования глагольно-именной дескрипции в некотором данном высказывании.

Ключевые слова:

глагольно-именные дескрипции, десемантизированные глаголы, грамматикализация, девербативы, акциональность, грамматическая семантика, неизосемичные слова, кванторные слова, таксономические категории глагола, синтаксис

1. Введение

Известно, что в русском языке наряду с глагольными лексемами активно используются неоднословные конструкции, которые в отечественной лингвистической традиции принято называть описательными предикатами или глагольно-именными дескрипциями (именно этот термин будет использоваться в настоящей работе), — сочетания вида *глагол ослабленного лексического значения* [1: 43], *называемый экспликатором* [2: 42], *компенсатором* [3: 158] или *интерпретатором* [4: 11]^[1], + «*отвлечённое имя действия, состояния, качества*» [2: 72]: см. *сделать шаг, дать совет, принять решение* и т.д. Исследователями неоднократно отмечалось частое употребление дескрипций в языке XVII-XIX вв. (см.^[5]), а также в текстах официально-делового стиля на протяжении всей истории русского литературного языка. В литературе регулярно подчеркивается стилистическая маркированность таких конструкций: согласно распространенной точке зрения, дескрипция, употребленная вместо однословного коррелята, служит его «стилистическим вариантом книжной окраски, [...] связанным с профессионально-деловыми особенностями речи» [2: 73].

В результате сложившегося представления о стилистической специфике таких оборотов их роль в устной речи оказывается практически неизученной. В связи с этим кажется крайне актуальной задача исследования дескрипций, которые воспроизводятся или производятся в неподготовленной устной речи, и сопоставления этих сочетаний с точки зрения их состава, семантики и функций с оборотами, характерными для письменных текстов.

В качестве материала для исследования были выбраны 10 русскоязычных подкастов^[2] (звуковых передач, распространяющихся в интернете), записанных в 2020 г. Наиболее адекватным задаче изучения функционирования дескрипций в неподготовленной

разговорной речи представляется формат разговорного жанра, предполагающий свободный диалог двух или более собеседников. Подкасты различаются по числу ведущих (от двух до пяти), а также по их возрасту (от 20 до 45 лет) и полу (ведущие – только женщины, только мужчины или смешанные группы). В ходе исследования было проанализировано 10 выпусков каждого из подкастов (т. е. всего 100 выпусков). В статье будут изложены результаты анализа этого материала с точки зрения употребления говорящими глагольно-именных дескрипций с вербализаторами *делать/сделать, давать/дать, проводить/проводить, вести* как наиболее частотными глаголами в составе дескрипций, способными сочетаться с широким кругом имен действия.

Центральным предметом анализа является предполагаемое основание употребления дескрипции вместо коррелятивного глагола. Поскольку такие сочетания зачастую характеризуются в литературе как конструкции, характерные для книжной, письменной речи, тогда как для устной речи постулируется соблюдение принципа экономии речевых усилий и использование упрощенных способов выражения мысли, важной задачей представляется выяснить, действительно ли дескрипции нехарактерны для разговорной речи и какие функции они могут в ней выполнять.

2. Дескрипции, не имеющие коррелятивного глагола

Очевидной причиной для использования дескрипции представляется отсутствие в языке глагола, на который этот оборот можно было бы заменить. Зачастую в качестве субстантивных компонентов в составе таких сочетаний выступают заимствованные слова, от которых в русском языке не были образованы глаголы:

- (1) Я **сделала декомпозицию**, значит, своего заработка, чтобы понять, сколько мне брать за сессию... («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020)
- (2) Я не пытаюсь, там, **делать комплименты** продавцам в «Пятерочке» или соседям... («Мы расстались», выпуск от 23.06.2020)
- (3) Давай **сделаем паузу** в путешествиях и позвоним в «Альфа-Банк». («Деньги пришли», выпуск от 28.08.2020)

Отдельного упоминания заслуживают также сочетания, в которых позицию субстантивного компонента занимает заимствованное в последние годы имя, в большей или меньшей степени освоенное русским языком. Такие существительные как лексемы русского языка не являются девербативами и, более того, обычно не выступают в качестве производящих для новых глаголов, вследствие чего приобретают способность выражать акциональную семантику, только присоединяясь к вербализатору:

- (4) Нас также не учили, как себя преподносить, как **делать нетворкинг**... («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020)
- (5) **[1]** Я подумал, что я пять лет делал подкаст и... **[2]** И ноль лет **делал промоушен**. («Blitz and Chips», выпуск от 13.02.2020)
- (6) [Нужно] подумать, что тебе важно, **сделать реассессмент** своей жизни, то есть написать, что ты сделал за свою жизнь... («Давай по чесноку», выпуск от 05.08.2020)
- (7) Так вот, когда я **делал ресерч** этого и, ну, все что нашел в интернете, до чего мог — дотянулся... («Поэпизодный клан», выпуск от 15.10.2020)
- (8) Я придумала реалити-шоу, можно я в прямом эфире сейчас **питч** реалити-шоу

проводу? («Blitz and Chips», выпуск от 19.03.2020)

Характерно, что заимствованные из английского языка именные лексемы сочетаются с различными вербализаторами (*делать/сделать, провести, вести*) и образованные с их помощью дескрипции выражают различные оттенки акциональной семантики, что свойственно и сочетаниям с исконно русскими или давно освоенными русским языком существительными. Так, в примере (8) выражаются типичные значения сочетаний с глаголами перемещения (*вести, провести, проводить*), такие как «способность длиться во времени», «динамичность», «контролируемость» [6: 127], позволяющие отнести такие дескрипции к таксономической категории «деятельностей» (ср. нормативные сочетания *вести работу, вести торговлю, вести борьбу, вести беседу*) — о «гомогенности», «бесперспективности» как важных признаках действий, называемых такими конструкциями, см. также [7: 12].

Отдельно следует остановиться на двух типах оборотов с заимствованными существительными, которые представляется возможным выделить в соответствии с их основными функциями. В составе дескрипций первого типа употребляются существительные, которые, как кажется, уже в достаточной мере освоены русским языком: даже если эти лексемы пока не зафиксированы в словарях, они употребляются крайне часто, поскольку называют явления, которые не имеют обозначения среди исконно русских лексем. Это такие слова, как *дисклеймер, кэшбэк, скриншот, питч(инг), флемшоб, хэштег*. Эти существительные в такой же мере требуют транспозиции в функцию сказуемого, что и исконно русские лексемы, и, не имея типичной морфемной структуры русского существительного, с большим трудом становятся производящими для глаголов, вследствие чего транспозиция происходит за счет включения их в состав дескрипции.

Конструкции второго типа отличаются от охарактеризованных выше тем, что в роли их именного компонента выступают окказиональные заимствования, не освоенные русским языком и не обозначающие какую-то принципиально новую реалию, для которой необходимо особое название. Для таких существительных, как правило, можно подобрать эквиваленты среди исконно русских имен или давно освоенных языком заимствований, а для сочетаний с ними — однословные глагольные корреляты или близкие по значению сочетания, ср. *делать дьютис* 'выполнять обязанности; делать домашние дела', *делать нетворкинг* 'заявливать связи', *делать промоушен* 'продвигать; заниматься продвижением', *сделать реассесмент* 'пересмотреть, переоценить', *сделать резолюшен* 'принять решение', *делать ресерч* 'исследовать', *дать фидбэк* 'дать обратную связь'.

Представляется, что причины возникновения таких сочетаний могут быть различными. В некоторых случаях они отражают личные предпочтения говорящего, влияние, которое на его идиолект оказывает активное взаимодействие с английским языком. В частности, представляется, что частое столкновение с соответствующими лексемами в англоязычных текстах, в первую очередь во вполне определенных контекстах и конкретных устойчивых сочетаниях (см. *household duties* и *domestic duties* 'домашние дела', *New Year's resolutions* 'решения, принимаемые в преддверии нового года'), может привести к более быстрой активизации этих лексем при подборе нужного слова в речи.

К контекстам такого рода относится и единственное среди проанализированного материала вхождение дескрипции с английским существительным, которое говорящий произносит в соответствии с правилами английской фонетики, не адаптируя его к закономерностям русского произношения (в примере оно передается латиницей):

(9) Я еще с прошлой недели **сделала** большой **effort** снизить сильно свое экранное время... («Давай по чесноку», выпуск от 23.09.2020)

Как представляется, в этом примере лексему *effort* вполне возможно без потери смысла заменить на русское существительное *усилие*, которое также формирует дескрипцию с тем же глагольным компонентом. В этом случае действительно можно говорить только о специфическом идиолекте говорящего, который при отборе лексем в своей речи черпает параллельно из словарей двух языков.

В то же время при употреблении сочетаний такого рода можно предположить и осознанную стратегию говорящего, для которого употребляемое в составе дескрипции имя и коррелятивное русское существительное не выступают как полные синонимы. Так, значение существительного *нетворкинг* 'завязывание знакомств, формирование связей' может быть только частично уподоблено семантике соответствующих русских сочетаний, поскольку его значение уже: оно всегда имплицирует идею полезности завязываемых отношений для продвижения по карьерной или социальной лестнице.

Семантика лексемы *ресерч* также не в полной мере совпадает со значением русского существительного *исследование* (значение которого формулируется в [8] через ссылку к толкованиям глагола *исследовать* — 'подвергнуть (подвергать) научному рассмотрению в целях познания, выяснения чего-л.' и 'тщательно осмотреть (осматривать) кого-, что-л., внимательно ознакомиться (знакомиться) с чем-л. для установления, выяснения чего-л.'). Употребление существительного *ресерч*, во-первых, не предполагает контекста академической деятельности субъекта, а во-вторых, ослабляет семантический компонент углубленного, тщательного, длительного рассмотрения вопроса.

Характерно также, что в сочетаниях с исконным и заимствованным существительными используются, по всей видимости, разные вербализаторы. Функцию адаптации заимствованного слова к русскому синтаксису часто выполняет наиболее широкозначный глагол, «прототипический» вербализатор *делать*, сочетание с которым и представлено в контексте (7). В составе дескрипции с русским существительным *исследование* используется позволяющий более нюансированно описать ситуацию вербализатор *проводить*, актуализирующий представление о длительной деятельности субъекта в соответствии с некоторым заранее определенным планом:

(10) Столько **исследований**, которые сейчас **проводят** про телефоны, разве что про коронавирус только **проводят** теперь. («Так вышло», выпуск от 30.10.2020)

В других случаях в составе дескрипции используется исконное существительное, не имеющее в лексике русского языка соотносительного глагола (в том числе утратившее его в ходе развития русского языка, ср. *речь* и др.-рус. *реши*):

(11) В какой-то глубинке России, в общем, собрались шаманы и решили **проводить обряд** против коронавируса... («Кульминация», выпуск от 01.09.2020)

(12) Это как раз тут о ресурсе семьи я **веду речь**. («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020)

В ряде случаев формально соотносительный глагол для субстантивного компонента дескрипции существует, но выражает принципиально другое значение, в связи с чем замена дескрипции на однословный коррелят невозможна, ср. *зарегистрироваться* и *сделать замечание*, *наблюдать* и *делать наблюдения*, *переговариваться* и *вести переговоры*:

(13) То есть для того, чтобы мы **сделали** реально какое-то такое **замечание** детям,

нужно, чтобы они, не знаю, просто орали там, хотели... («Сперва роди», выпуск от 25.02.2020)

(14) Мне кажется, что вообще каникулы — это именно время таких тонких **наблюдений**, **которые** ты, может быть, в другое время не **делаешь**. («Сперва роди», выпуск от 21.01.2020)

(15) Мы неделю **вели переговоры**, на каких условиях мы съезжаемся. («Мы расстались», выпуск от 02.06.2020)

В некоторых случаях семантика существительного в принципе тождественна семантике производящего или производного глагола, но существительное гораздо более узуально, чем малоупотребительный глагол. Так, глагол **ревизовать** в современном языке употребляется преимущественно в прямом смысле и не переосмысляется как обозначение бытовой ситуации, в отличие от существительного **ревизия**:

(16) Потому что, реально, если бы я **провел ревизию** своей квартиры, я бы собрал бы очень много вещей и решил бы их продать... («Деньги пришли», выпуск от 09.10.2020)

В некоторых случаях употребление дескрипции вместо глагольной лексемы приводит к своеобразной «терминологичности» номинации действия, ср. глагол жать и сочетание из спортивного жаргона делать жим ногами, глагол переснимать и сочетание из киножаргона делать пересъемку, глагол осложнять и сочетание с медицинским термином давать осложнения:

(17) Были такие две долбанушки, которые: так, так, блин, у меня тренировка, я опаздываю, мне срочно нужно съесть творожок из контейнера, а ты **делала жим ногами**, а ты вот это с гантелями делала? («Дико скузате», выпуск от 07.06.2020)

(18) Ему же разрешили делать режиссерскую версию, но запретили **делать пересъемки**... («Кульминация», выпуск от 26.05.2020)

(19) Надо понимать, что дети могут быть источником инфекции, переносить инфекцию бессимптомно и распространять ее в семье, где есть пожилые люди, люди с хроническими сердечно-сосудистыми заболеваниями, для которых, в принципе, эта инфекция может **давать осложнения**, протекать довольно тяжело... («Сперва роди», выпуск от 17.03.2020)

С примерами выше отчасти соотносится устойчивое сочетание **сделать предложение**, в котором элиминация актанта содержания предполагает однозначную трактовку — интерпретацию ситуации как предложения руки и сердца:

(20) Но этот коммитмент происходит в традиционной форме предложения руки и сердца, ну, литературе, то есть, как бы, ты просто должен **сделать предложение**. («Blitz and Chips», выпуск от 19.03.2020)

3. Дескрипции с распространителем при имени

Одной из наиболее часто упоминаемых в литературе причин выбора неоднословного выражения акционального значения является необходимость распространения при помощи числительного (или другого кванторного слова) или согласованного определения, которое неспособно вступать в подчинительную связь с глагольной лексемой, но может образовать сочетание с существительным (см. об этом, например, [9: 90] и [2: 447]). В этом отношении коммуникативная значимость дескрипций

представляется крайне высокой, так как сочетания с адъективным распространителем при имени позволяют говорящему охарактеризовать ситуацию в тех ее аспектах, которые не могут получить отражение в высказывании с глагольной лексемой.

В части примеров подобного рода в роли определения при имени используется качественное прилагательное, которое подчеркивает тот или иной аспект ситуации, выражает ее оценку говорящим:

(21) *[1] То есть [...] не мозг телу передает сигналы, а тело передает мозгу... [2] Нет, мозг обратно **дает** ущербные **команды**.* («Мы расстались», выпуск от 09.06.2020)

(22) *Вован, ты же [...] вообще чуть что — гуглишь и не любишь **давать** просто необдуманных **ответов**.* («Сперва роди», выпуск от 11.02.2020)

(23) *Вообще мне кажется, что за эти восемь дней мы не **провели** ни одной осмысленной **беседы**.* («Деньги пришли», выпуск от 28.08.2020)

В других случаях прилагательное относит обозначаемый именем процесс или действие к определенному классу ситуаций, сужает круг возможных денотатов имени:

(24) *[1] Так ты, может... тебе нужно... стоит поменять протокол просто тогда? Замерить время, необходимое на сборы каждого ребенка... [2] Слепое рандомизированное **исследование** **сделать**.* («Сперва роди», выпуск от 28.01.2020)

(25) *Мы не даем советов в принципе, а медицинских **советов** мы не **даем** втройне.* («Сперва роди», выпуск от 04.02.2020)

Особый интерес представляет следующий контекст, в котором отражен результат нетипичной трансформации:

(26) *Я просто сравниваю вот это чувство, когда ты убралась и выкинула много чего из шкафа, например... например, **сделала** раз-в-сезонный **разбор** гардероба [...], то дышать становится легче.* («Давай по чесноку», выпуск от 02.09.2020)

Если в основной массе контекстов выражение с определением при имени можно трансформировать в конструкцию с обстоятельством при глаголе только с потерей смысла или же трансформация в принципе невозможна, то в этом примере можно наблюдать обратную ситуацию: обстоятельство *раз в сезон* представляется абсолютно нормативным, тогда как определение *раз-в-сезонный* — окказиональным. Можно предположить, что решающим фактором для употребления дескрипции становится аспектуальная характеристика ситуации: выражающее идею повторяемости обстоятельство *раз в сезон* употребляется с глаголами НСВ (*разбирать раз в сезон*, *приезжать раз в сезон* и т.д.), тогда как в контексте (26) говорящему требуется обозначить однократное действие и отнести его к определенному типу ситуаций.

Следует также отдельно отметить дескрипции, которые, как правило, не употребляются без определения при субстантивном компоненте, такие, как *вести жизнь* и *вести образ жизни*. Несмотря на коррелятивность этих сочетаний с глаголом *жить*, дескрипции всегда употребляются в высказываниях, задача которых — дать некую качественную характеристику существованию субъекта:

(27) *Поэтому мы надеемся, что вы тоже поржете с наших прекрасных историй про то, как мы пытаемся **вести** красивую **жизнь**.* («Дико скузате», выпуск от 29.08.2020)

(28) Он же начал **вести**, такой, разгильдяйский, короче, **образ жизни**, там, пил, курил...
 («Кульминация», выпуск от 01.09.2020)

Кроме того, именной компонент может также распространяться при помощи определительного придаточного, вводимого относительным местоимением *который*:

(29) Самый клевый **подарок**, который вы или вы с друзьями **делали** кому-либо? («Blitz and Chips», выпуск от 23.01.2020)

(30) Я обычно такие **разговоры**, даже которые касаются насущного, **веду** очень обобщая, очень как-то глобально... («Сперва роди», выпуск от 17.03.2020)

Способность распространяться присловным определительным придаточным сближает акциональные существительные с предметными и способствует «реификации» обозначаемой ситуации. Представляется, что в предложениях такого типа явление «определечивания» ситуации реализуется более ярко, чем в сочетаниях с прилагательным, поскольку словосочетание вида существительное + прилагательное может быть (по крайней мере теоретически) поставлено в соотношение со словосочетанием вида глагол + наречие, ср. *вести красивую жизнь* в контексте (27) и *жить красиво*. Предложения с определительным придаточным при имени в составе дескрипции, напротив, не могут быть трансформированы в предложения с глаголом, что подчеркивает особый статус такой конструкции и ее отличие от однословных коррелятов.

Кроме того, в некоторых случаях в качестве определения, способствующего «реификации» обозначаемой именем ситуации выступает и сам глагол, который составляет дескрипцию вместе с существительным, в форме страдательного причастия. В этом случае синтаксическая зависимость между компонентами дескрипции меняется, и подчиненным элементом становится уже глагольная форма:

(31) Эта история всех поразила, ну, потому что это в некотором смысле просто **изнасилование, сделанное** ради расследования, которое, как мы предполагаем, можно было сделать гораздо более простыми средствами. («Так вышло», выпуск от 05.11.2020 «Где заканчиваются границы моего тела?», 2:08)

Дескрипции с числительными и другими обозначениями количества также выполняют важнейшую коммуникативную функцию, поскольку позволяют квантифицировать действие, представить его как точку на временной оси в ряду других:

(32) Меня страшно торкает от «харио», и я не могу допить ту порцию, которую предлагают, то есть, если мне наливают сколько-то, в общем, я **делаю**, там, несколько **глотков**, и, как бы, сорян... («Blitz and Chips», выпуск от 27.02.2020)

(33) Ты понимаешь, что протез — это по сути стакан, который надевается на руку [...], и он может **делать** всего два **движения**... («Поэпизодный клан», выпуск от 15.10.2020)

(34) Короче, я вот щас уже, когда время прошло, [...] я понимаю, что я очень много **сделала ошибок**. («Дико скузате», выпуск от 11.08.2020)

Представляется, что явление «реификации», «определечивания» акциональной ситуации при использовании дескрипции с числительным реализуется особенно интенсивно, поскольку сама сущность грамматического значения акциональности предполагает принципиальную неисчислимость в отличие от грамматической предметности как категориальной семантики существительного. Сочетания с числительным при имени можно охарактеризовать как следующую ступень квантификации акциональной ситуации

после количественных способов глагольного действия (при употреблении которых «действие уточняется в отношении одноактности или кратности его совершения» или «представлено как неограниченно-длительное, кратно повторяющееся» [10: 596]). Во втором случае акциональная специфика ситуации по-прежнему отражается в высказывании, хотя она и получает количественную оценку, в первом же ситуация приобретает грамматические характеристики предмета.

4. Дескрипции с предметным значением (случаи неполной грамматикализации)

Характерна также группа контекстов с вербализаторами из видовой пары *делать/сделать*, в которых актуализируется фоновая семантика создания объекта, присущая глаголам в их номинативном значении. Имя в этом случае воплощает значение процессуальности, работы над некоторым материалом, и в то же время обозначает результат этого действия:

(35) Все равно, прежде чем любой человек, даже самый классный, начнет **делать дизайн**, мне нужно рассказать, что делать и как. («Давай по чесноку», выпуск от 27.08.2020)^[3]

(36) Мы **сделали ремонт** на кухне, мы покрасили стены... («Мы расстались», выпуск от 12.05.2020)

Иными словами, при номинации ситуации с помощью глагольной лексемы в качестве подразумеваемого материального результата действий субъекта выступает некоторый отдельный (отремонтированный) предмет, при использовании дескрипции — новое состояние пространства. Это наблюдение позволяет в очередной раз заключить, что коммуникативная значимость дескрипций состоит в том числе в их способности создавать принципиально иное по сравнению с глаголом представление о ситуации, в которой она утрачивает часть своих временных характеристик, но приобретает пространственное измерение и вполне может быть сопоставлена с материальными объектами.

Представляется, что в контекстах с сочетаниями, включающими в свой состав глаголы *делать/сделать* и обозначения письменных текстов, может происходить нейтрализация противопоставления действия и его результата. В некоторых случаях многозначность снимается благодаря элементам контекста, в других она является коммуникативно незначимой и поэтому сохраняется. Так, ситуацию, называемую в контексте (37), в котором употребляется две дескрипции с глаголом *делать*, можно представить как в процессуальном, так и в результативном аспекте:

(37) У него был блокнот заветный, в котором он **делал пометки, заметки**, как бы он смонтировал этот фильм.^[4] («Кульминация», выпуск от 05.06.2020)

Особенного внимания заслуживают контексты, в которых субстантивный компонент дескрипции традиционно не обозначает жанр текста и имеет акциональную семантику. Фигурирующие в этих высказываниях существительные *выступление, обзор, расследование, сравнение* представляются как чистые синтаксические дериваты от глаголов *выступить, обозревать, расследовать, сравнить*:

(38) Я **делал выступление** как раз для саммита зумеров про вот это вот размытие нормы... («Поп-культурное оружие», выпуск от 16.09.2020)

(39) Я просто перелопатила недавно, как раз когда **делала обзор** на ее альбом последний, и еще там раскапывала... («Поп-культурное оружие», выпуск от 16.09.2020)

(40) Журналисты издания «Проект» **сделали** большое **расследование**, поговорили с кучей людей, сделали подкаст [...] про людей, к которым он приставал. («Так вышло», выпуск от 04.11.2020)

(41) Не совсем правильно, если на длинном горизонте такие **сравнения делать...** («Деньги пришли», выпуск от 08.09.2020)

В то же время представляется возможным говорить об актуализации в контекстах (38-41) также и предметной семантики имени, которая, как кажется, и является ключевым фактором, обусловливающим употребление в высказывании оборота с глаголами **делать/сделать**. В современной действительности существительные **обзор** и **расследование** обозначают жанр текста (поджанр статьи) или его аналог в формате видео^[5], ср. употребление одной из этих лексем в контексте, где ею управляет глагол **написать**: У некоторых есть фантазия, а у некоторых нет. Но мы все хотим **написать** интересный **обзор**, который поможет людям, которые хотят купить игру. (Как правильно написать интересный обзор. 02.12.2017. <https://steamcommunity.com/sharedfiles/filedetails/?id=879388504>)

Специфика значения существительного **расследование** в примере (40) наглядно выявляется в сравнении с употреблением той же лексемы в составе дескрипции с глаголом **проводить**:

(42) В смысле ты имеешь в виду, что банки на самом деле сами **проводят** подобные **расследования**? («Деньги пришли», выпуск от 25.09.2020 «Телефонные мошенники! Почему этого стало так много?», 16:58)

Очевидно, что вербализатор **проводить** имеет ярко выраженную семантику процессуальности и лишен семантики создания материального объекта, которая нехарактерна для него и в номинативном, неграмматикализованном, употреблении. В контексте (42) существительное **расследование**, как представляется, должно рассматриваться именно как типичный синтаксический дериват от глагола **расследовать**, и можно предположить, что номинация действия при помощи дескрипции связана в первую очередь с необходимостью употребления в высказывании согласованного определения — анафорического местоименного прилагательного **подобный**.

В качестве крайне характерного маркера предметной семантики имени выступает такое словообразовательное явление, как уменьшительный суффикс. В своем основном значении используясь для номинации предмета меньшего размера, диминутивы дополнительно «реифицируют» действие, представляют его как объект реальной действительности:

(43) Я вот тут **делаю** домашние **делишки** в деревне. («Дико скузате», выпуск от 11.08.2020)

(44) Да, **сделаем** опять **оговорочку**, что мы будем вставлять английские фразы и переводить его вам. («Поп-культурное оружие», выпуск от 30.09.2020)

Можно отметить, что экспрессивные суффиксы в целом менее характерны для морфемного состава акциональных существительных, чем для структуры имен с предметным значением. Так, в разделе, посвященном оценочным наименованиям в ^[11], приводится 10 суффиксов, способных образовывать дериваты с соответствующей окраской, и все они используются преимущественно для образования предметных имен, ср. *деталька*, *наборчик*, *плакатик*, *картоха* (при наличии, впрочем, и таких менее

типовидных дериватов, как *перекурчик* и *объедуха*) [11: 68]. Можно предположить, что отношение говорящего к предмету действительно чаще оказывается более личным, субъективным, чем отношение к действию, представленному как факт, — с одной стороны, отвлеченному от своей акциональности, с другой стороны, не обладающему достаточной степенью предметности. Акциональные имена с уменьшительными или другими эмоционально окрашенными суффиксами в составе дескрипций действительно редки, и их появление безусловно свидетельствует о представлении действия как особого рода «предмета».

5. Дескрипции, в которых выражается значение неопределенности

Появление целого ряда глагольно-именных дескрипций в современной устной речи представляется обусловленным предпочтительностью абсолютного употребления предикатного слова, поскольку основной смысл контекста непосредственно связан с идеей гипотетического и, как следствие, неопределенного характера действия, нереферентного употребления сказуемого — по аналогии с нереферентным употреблением предметных именных групп, «которые не обозначают никаких индивидуализированных объектов» [12: 94]. В некоторых случаях это дополнительно подчеркивается маркером нереферентного статуса предиката — кванторным словом, согласуемым с именным компонентом ОП:

(45) *В этой ситуации, как бы, ты не можешь сделать вид, что ничего не произошло, и какой-то должен **сделать выбор**.* («Так вышло», выпуск от 15.10.2020)

(46) *То есть к нему должен являться какой-то голос, видимо, и говорить ему какие-то задания... ну, то есть, **давать** ему какие-то **приказы, поручения**, скажем так.* («Поэпизодный клан», выпуск от 05.11.2020)

В других контекстах идея неконкретности содержания действия, ее неизвестности для говорящего и собеседника и потенциальной отнесенности к совершенно разнородным ситуациям не эксплицируется в контексте, но очевидно подразумевается:

(46) *Мне кажется, что это вообще очень связанные вещи, принять решение **сделать выбор** — это смелость.* («Так вышло», выпуск от 15.10.2020)

(47) *Если его в действительности это заинтересует, он потом проверит и скажет: «Мам, ну ты... вообще чушь какую-то мне сказала», но моя задача — **дать ответ...*** («Так вышло», выпуск от 09.10.2020)

Очевидно, что нереферентное употребление оборота становится возможным в силу того, что при обозначении действия с помощью дескрипции становится возможной элиминация обязательных семантических валентностей предиката (о «редуцированной диатезе» таких конструкций в сравнении с коррелятивными глаголами см. [13: 46]). Кроме того, элиминация актанта из высказывания и «безобъектное» представление ситуации может дополнительно подчеркиваться страдательной формой глагола. В этом случае ситуация оказывается представленной максимально абстрактно, в отвлечении от всех основных ее участников:

(48) *Там не просто **были съемки проведены**, а то, что создатели фильма [...] в титрах они буквально там красивеньким шрифтом такие: благодарим Уйгурский автономный округ...* («Поп-культурное оружие», выпуск от 23.09.2020)

Пассивное употребление дескрипции позволяет максимально обособить представление о действии как таковом от реальных контекстов его осуществления. В высказывании, таким

образом, указывается только сам факт акциональности некоторой ситуации (при помощи вербализатора) и характер конкретного действия (при помощи существительного).

Возможность абсолютивного употребления конструкции становится особенно важной в случае, когда требуется назвать максимально обобщенную ситуацию (о «более обобщенном значении» дескрипции по сравнению с глаголом см. [14: 90]), использовать предикат, принадлежащий к Т-классу «деятельность». В таком случае в качестве субстантивного компонента дескрипции используется существительное в форме мн.ч. (49-50) или несчетное имя (51):

(49) Я по совету Кати **делал** регулярные **пожертвования** в пять фондов. («Деньги пришли», выпуск от 04.09.2020)

(50) Поэтому для того чтобы **делать прогнозы** на тридцатый — тридцать пятый, короче говоря, нужно исходить из инфляции четыре процента в год... («Деньги пришли», выпуск от 08.09)

(51) Мы просто эффективно очень **делаем рекламу**, мне кажется. («Деньги пришли», выпуск от 25.09.2020)

В таких случаях соотношение между глагольной лексемой и коррелирующей с ней дескрипцией можно условно представить следующим образом: совокупность действий, называемых полнозначным глаголом и направленных на различные объекты, получает единую номинацию при помощи дескрипции с субстантивным компонентом, производным от соответствующего глагола и употребляемого абсолютно.

Представляется, что форма мн.ч. именного компонента дескрипции может указывать на неконкретную референцию существительного и в тех случаях, когда в контексте обозначается не постоянная деятельность субъекта, а некоторые дискретные ситуации:

(52) И да, я вычитала в книжке [...] про Вильнюс, что есть улица, по которой если ты ходишь, она **дает** тебе **ответы** на твои вопросы. («Дико скузате», выпуск от 26.07.2020)

(53) И выкристаллизовалась такая вот интересная для них ниша, когда это такие чуваки, которые **дают** главному герою [...] **советы**, делятся мудростью... («Blitz and Chips», выпуск от 29.01.2020)

Числовая форма именного компонента представляется крайне значимой для общей семантики конструкции: как представляется, при использовании в составе дескрипции имени во множественном числе «существительное утрачивает свой отвлеченный характер и обозначает уже не действие в абстрагированном виде, а результат действия или его содержание, сущность действия, т.е. значение существительного становится более “определенным”» [15: 60]. Тот факт, что дескрипции «неравнозначны по объему семантической информации с однокорневыми с ними глаголами, поскольку определенная форма процессов, состояний, фактов, качеств и т.п. несет, как правило, дополнительные сведения, характеризующие их в результативном аспекте» [16: 139], неоднократно отмечался в литературе. Способность формы множественного числа имплицировать идею большей материальности результата действия кажется вполне объяснимой: очевидно, что прототипическое предикатное имя, выражая семантику акциональности, которая не имеет свойственных предметности числовых характеристик, не должно быть счетным.

6. Дескрипции, эквивалентные глаголу

Отдельно следует отметить немногочисленные случаи, в которых трансформация предложения с дескрипцией в синонимичное предложение с глагольной лексемой все же возможна. В качестве таких примеров представляется правомерным рассматривать случаи, когда сохраняются все компоненты исходного предложения и при этом заполнены все семантические валентности полнознаменательного глагола (или отмечается узуальный эллипсис, не приводящий к искажению смысла высказывания — в таких контекстах глагол выделен подчеркиванием). При трансформации падежная форма актантов при предикате, как правило, меняется, что связано с различным управлением глагола и дескрипции: ср. **сделать экранизацию** чего и **экранизировать** что, давать **вдохновение кому** и **вдохновлять кого**, проводить **операцию кому** и **оперировать кого** и т.д. Всего в исследуемом материале было обнаружено 14 таких контекстов, представленных 11 разными сочетаниями:

(54) Мы должны сейчас **сделать звонок** в «Альфа-Банк». («Деньги пришли», выпуск от 09.10.2020) ® Мы должны сейчас **позвонить** в «Альфа-Банк».

(55) Да, мы тоже **делаем ошибки**, естественно, мы первые **делаем ошибки** и потом обсуждаем. («Давай по чесноку», выпуск от 16.09.2020) ® Да, мы тоже **ошибаемся...** [\[6\]](#)

(56) Смотрю, например, человек **делает рекламу** своему курсу и через две сторис платную рекламу пускает... («Давай по чесноку», выпуск от 16.09.2020) ® Смотрю, например, человек **рекламирует** свой курс...

(57) И если вы не **делаете тренировки** каждый день, это тоже нормально. («Дико скузате», выпуск от 07.06.2020) ® И если вы не **тренируетесь** каждый день...

(58) Да мне кажется, можно просто **сделать экранизацию** «Жмурок» в Нижнем Новгороде и там все сделать. («Blitz and Chips», выпуск от 12.03.2020) ® Да мне кажется, можно просто **экранизировать** «Жмурки» в Нижнем Новгороде...

(59) Я не только мама, мне, вот, настолько это **дает** именно **вдохновение** — то, что я на самом деле делаю это для своей семьи. («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020) ® Я не только мама, меня, вот, настолько это именно **вдохновляет...** [\[7\]](#)

(60) Никто не **дает** вам **гарантию** того, что ваш партнер услышит вас. («Мы расстались», выпуск от 11.05.2020) ® Никто не **гарантирует** вам того, что ваш партнер услышит вас.

(61) Я себе пообещала, я **прям дала** себе **клятву**, что больше никаких вторых работ. («Дико скузате», выпуск от 11.08.2020) ® Я себе пообещала, я **прям себе поклялась**, что больше никаких вторых работ.

(62) Все думали, что, окей, прокатят если даже со сценарием совсем, но, возможно, **дадут** хотя бы просто Люпите **номинацию**, потому что, ну, реально... («Поп-культурное оружие», выпуск от 12.08.2020) ® ... возможно, **нominируют** хотя бы просто Люпиту...

(63) Если партнер реагирует, как бы, агрессивно, [...], то это повод вообще-то задуматься, тому ли я **дала обещание** любить. («Мы расстались», выпуск от 02.06.2020) ® ... это повод вообще-то задуматься, тому ли я **обещала** любить.

(64) Девочки, девушки, женщины [...] постоянно сталкиваются с тем, что люди вокруг считают **должным** оценить их **внешность**, а соответственно, **дать оценку** им самим как людям. («Blitz and Chips», выпуск от 13.02.2020) ® ... люди вокруг считают **должным** оценить их **внешность**, а соответственно, **оценить** их самих как людей.

(65) *[11] Мы даже вообще никаких не дадим рекомендаций? Живите как хотите? [21] А какие рекомендации мы можем дать?* («Мы расстались», выпуск от 12.05.2020) ® Мы вообще ничего не порекомендуем? [...] А что мы можем порекомендовать?

(66) Помнишь, мы недавно обсуждали случай мусульманской пары, которые хотели, чтобы женщины проводили операцию женщины-врачи? («Так вышло», выпуск от 05.11.2020) ® Помнишь, мы недавно обсуждали случай мусульманской пары, которые хотели, чтобы женщину оперировали женщины-врачи?

Давая суммарную оценку контекстам типа (54)-(66), представляется особенно важным ответить на вопрос, какие факторы обусловливают появление в этих предложениях дескрипций, несмотря на теоретическую возможность заменить оборот на глагольную лексему. Здесь, как кажется, можно выделить два ключевых аспекта: семантические модификации, которые вносит в предложение, с одной стороны, именной компонент дескрипции, с другой стороны — вербализатор. Как уже отмечалось выше, глаголы-вербализаторы актуализируют в составе дескрипции определенные компоненты своего номинативного значения, что придает сочетанию фоновый характер метафоры (о «скрытом сравнении», предполагаемом внутренней формой дескрипций, см. [7: 17]). К примеру, в сочетаниях делать рекламу и делать экранизацию реализуется значение создания материального объекта, в дескрипции дать номинацию (ср. еще более «предметное» дать премию) и дать обещание — идея передачи объекта, подарка (в этом смысле очень характерно употребление этой дескрипции в контексте рассуждения о романтических отношениях).

Говоря о влиянии имени действия на общую семантику высказывания, следует отметить способность к «реификации», «определявшему» акциональной ситуации, которую существительные способны реализовать в сочетании с вербализатором. При использовании дескрипции вместо глагола на линии времени выделяется определенная ситуация, как бы «изымаясь» из потока событий и рассматриваясь обособленно, будучи представленной как своего рода объект. Так, в контексте (54) звонок упоминается как одна из составляющих выпуска, его обособленная часть, в примере (61) клятва понимается как некоторый внутренне произносимый и далее «высеченный в камне» текст, в контексте (64) существительное оценка обозначает некое сложившееся мнение, устойчивый стереотип относительно другого человека и т.д. Таким образом, дескрипция, сохраняя свою акциональность, оказывается на «шкале акциональности» ближе к значению предметности.

Под «шкалой акциональности» мы понимаем некоторую условную градацию акциональной vs. предметной концептуализации денотативной ситуации, которая позволяет говорящему представить ситуацию в большей степени как процесс, для которого определяющей характеристикой является способность развертываться во времени, либо как своего рода «предмет», свершившийся факт или набор фактов, близкий по своей завершенности, «непроницаемости» и ограниченности к денотатам предметных имен. Шкала акциональности, на наш взгляд, могла бы выглядеть следующим образом:

(1) ГП-НСВ (2) ГП-СВ (3) К-СГД (4) ОП-ед. (5) ОП-опр. (6) ОП-мн. (7.1) ОП-мест. (8) ОП-числ.

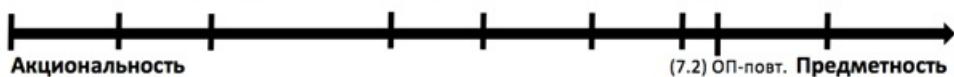

Рис. 1. Шкала акциональности предикатов

Комментарии к обозначениям на шкале акциональности предикатов:

- (1) ГП-НСВ (глагольный предикат несовершенного вида): *Он шагает вперед.*
- (2) ГП-СВ (глагольный предикат совершенного вида): *Он зашагал вперед.*
- (3) К-СГД (количественные способы глагольного действия): *Он шагнул вперед.*
- (4) ОП-ед. (дескрипции с субстантивным компонентом в форме ед.ч.): *Он сделал шаг вперед.*
- (5) ОП-опр. (дескрипции с определением при субстантивном компоненте): *Он сделал уверенный шаг вперед.*
- (6) ОП-мн. (дескрипции с субстантивным компонентом в форме мн.ч.): *Он делал шаги в нашу сторону.*
- (7.1) ОП-мест. (дескрипции с личным или относительным местоимением, замещающим позицию имени; дескрипции с именем, замещаемым местоимением в дальнейшем контексте): *Шаг вперед, который он сделал, был уверенным. Он сделал шаг вперед, который показался мне уверенным.*
- (7.2) ОП-повт. (дескрипции с субстантивным компонентом, который употребляется самостоятельно в дальнейшем контексте): *Он сделал шаг вперед, и этот шаг показался мне уверенным.*
- (8) ОП-числ. (дескрипции с числительным или другим кванторным словом при субстантивном компоненте): *Он сделал два шага вперед.*

Безусловно, предлагаемая градация акциональности предикатов представляется условной, может оспариваться и дорабатываться, однако общий принцип, положенный в ее основу, едва ли можно поставить под сомнение. Чем ближе к левому полюсу шкалы находится некоторая форма предиката, тем безусловнее утверждается акциональный характер называемой ею ситуации, чем дальше она сдвигается от этого полюса вправо — тем больше стираются, утрачиваются для коммуникантов акциональные параметры ситуации и ярче подчеркивается ее переосмысление как своего рода «предмета».

Помимо разного рода показателей количественного значения [8] (видовых форм глагола, форм числа существительного, лексики с количественной семантикой) представлению акциональной ситуации как проявления чистой длительности препятствуют также и некоторые контекстуальные факторы, актуализирующие фоновую идею «пространственности», наблюдаемости ситуации как некоторого заключенного в определенных границах предмета. К числу таких средств контекста относятся определения при имени, особенно такие, которые приложимы к предметной лексике (и в меньшей степени — те, которые употребляются преимущественно при именах с абстрактным значением), а также соотнесенность существительного с употребленным в предшествующем или дальнейшем тексте местоимением, основная функция которого — замещать в высказывании слово с предметной категориальной семантикой.

Возвращаясь к предложенной на Рис. 1 схеме, можно увидеть, что ее крайнему левому полюсу соответствует предикат, выраженный глаголом в форме НСВ. Известно, что основным значением этой видовой формы является непредельность, то есть несвязанность значения «ни с реальным, ни с потенциальным пределом» [19: 60]. Принципиальное отсутствие у действия предела, невозможность вычленить у него

начальную или конечную границу позволяют увидеть связь между грамматическим значением НСВ и понятием чистой длительности. Ограниченнность же действия пределом, характерная для глаголов СВ, напротив, способствует «опредмечиванию» действия, его вычленению на «линии времени» (то есть в некотором метафорическом пространстве) и рассмотрению как некоторого самостоятельного факта.

В еще большей степени количественное значение выражается при употреблении глаголов, представляющих собой различные количественные способы глагольного действия: одноактный, многократный, прерывисто-смягчительный и т.д.^[9] Количественная характеристика ситуации в таком случае конкретизируется, действие становится объектом своеобразного исчисления или измерения — операций, которым недоступна чистая длительность.

Конструкции, ставшие объектом нашего исследования в этой работе, — глагольно-именные дескрипции (4) — представляют собой результат еще более существенного «опредмечивания» акциональной ситуации в речи говорящего, поскольку в качестве их смыслового компонента употребляется слово части речи, категориальным значением которой является предметность. Вычленимость ситуации на линии времени, представление ее как счетного объекта наблюдения может подчеркиваться употреблением при имени определения (5), формой множественного числа имени (6), употреблением в контексте местоимения (7.1) или повторным употреблением того же имени не в составе дескрипции (7.2), а также использованием кванторных слов (8).

7. Заключение

Степень значимости того или иного фактора для восприятия ситуации как наблюдаемого объекта, вероятно, невозможно достоверно измерить, но представляется, что разного рода психолингвистические эксперименты могли бы быть полезны в этом отношении. Очевидно также, что указанные на шкале случаи могут пересекаться: так, субстантивный компонент дескрипции, имеющий форму мн.ч. или употребленный с кванторным словом, может распространяться при помощи определения и замещаться местоимением или повторяться в дальнейшем тексте, ср. *Он сделал два уверенных шага вперед, и звук этих шагов разнесся по всему залу*. Следует, таким образом, еще раз повторить, что предложенная схема представляет собой условность, методологический инструмент, который позволяет оценивать концептуализацию называемой ситуации в терминах акциональности vs. предметности.

Представляется чрезмерным утверждать, что говорящие, употребляющие в своей речи дескрипции, отдают себе отчет в способности имени «опредмечивать» называемую ситуацию и руководствуются при построении высказывания именно этим соображением. Вернее, по всей видимости, было бы отметить, что описанная выше особенность дескрипций может пониматься и как причина выбора в пользу дескрипции при оформлении акционального значения (но причина не вполне осознанная и внутренне не артикулируемая самим говорящим — своего рода речевая интуиция, привычка, сложившаяся в результате языкового опыта, порождения и восприятия текстов на естественном языке), и как его следствие, семантический эффект, производимый дескрипцией (считываемый слушающим и упрощающий коммуникацию, но, вероятно, не осознаваемый им отчетливо — так же, как и говорящим).

Так или иначе, в результате проведенного анализа представляется возможным заключить, что выбор глагольно-именной дескрипции как особого способа обозначения действия не только регулярно встречается в устной речи, но и не является случайным.

Анализ приведенных выше контекстов демонстрирует функционально-семантическую специфику таких сочетаний и высокую коммуникативную значимость, которую не следует недооценивать, рассматривая их исключительно как черту официально-делового или книжного стиля.

[1] В настоящей работе будет использоваться наиболее, на наш взгляд, прозрачный термин «вербализатор», дающий однозначное представление о функциях, выполняемых глаголом в составе дескрипции.

[2] Подкасты «Давай по чесноку», «Деньги пришли», «Дико скузате», «Кульминация», «Мы расстались», «Поп-культурное оружие», «Поэпизодный клан», «Сперва роди», «Так вышло», «Blitz&Chips».

[3] См., однако, окказиональный глагол *задизайнить*, который появляется в том числе на схеме московского метро: <https://www.artlebedev.ru/metro/map4/>

[4] Ср. возможные ответные реплики: *И это отнимало у него много времени? vs. И потом он ими воспользовался?*

[5] Представляется вероятным, что в связи с распространенностью видеоформата разного рода конференций, круглых столов, публичных лекций и т.д. лексема *выступление* в примере (14) также выражает в том числе значение конечного результата работы, то есть некоторого готового продукта. Об этом же свидетельствует и смена валентности предиката: ср. *выступать где* (валентность места) и *делать выступление для чего* (валентность цели).

[6] Представляется, что второй случай употребления той же дескрипции в этом предложении слабее подвергается трансформации, поскольку при однородном сказуемом *обсуждаем* явно предполагается эллиптированное дополнение с объектным значением, замещающее существительное *ошибки*: **мы первые ошибаемся и потом обсуждаем (их)*.

[7] Против возможности произвести предлагаемую трансформацию свидетельствует употребление при именном компоненте дескрипции частицы *именно*, с помощью которой делается акцент на существительном: ср. *дает именно вдохновение, а не просто радость*. Впрочем, поскольку эта частица в устной речи может иметь в значительной степени десемантизированное употребление, а трансформированное предложение выглядит вполне правильным, представляется возможным рассматривать предложения как синонимы.

[8] Под количественностью в данном случае подразумевается, конечно, не грамматическая категория числа, которой прототипические предикативные лексемы — глаголы — в принципе не обладают, а функциональная категория в понимании А.В. Бондарко и его последователей, находящая выражение на различных уровнях языка. Количество как «совокупность свойств, указывающих на величину вещи ,на ее размер; объективная определенность предмета, в силу которой его можно разделить на однородные части» [17: 218], а также «аналогичные свойства совокупностей вещей, которые рассматриваются как однородные» [18: 162], является неотъемлемым свойством предметности: наблюдаемые объекты возможно посчитать, измерить, сравнить их между собой по различным количественным параметрам.

[9] Полный список количественно-временных СГД представлен в [7]. Классификация

способов глагольного действия по типу выражаемых ими значений впоследствии критиковалась в работах по аспектологии (см., например [20: 104]), однако для нашего исследования конкретная классификация не имеет принципиального значения: существенным представляется способность глагольной формы характеризовать ситуацию в количественном аспекте.

Библиография

1. Лекант П.А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. — М.: «Высш. школа», 1976.
2. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка. — М.: Изд-во МГУ, 2000.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. — М.: Изд-во МГУ, 2004.
4. Воробьева Г.К. Функционально-коммуникативная типология устойчивых глагольных словосочетаний русского языка. — М.: «ВЕДАС», 1994.
5. Филиппова В.М. Развитие глагольной фразеологии в русском литературном языке 18 века. // Русская литературная речь в 18 веке. — М.: Наука, 1968. С. 3-161.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
7. Макович Г.В. Описательный способ выражения семантического предиката со значением активного действия в современном русском языке [докт. дисс.]. — Челябинск, 1997.
8. Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
9. Мордвинко А.П. Очерки по русской фразеологии (именные и глагольные фразеологические обороты). — М.: Издательство «Просвещение», 1964.
10. Русская грамматика. / Под ред. Н.Ю. Шведовой и др. — М.: Институт русского языка имени В. В. Виноградова, 2005. Т.1.
11. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. — М.: Наука, 1992.
12. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: Референциальные аспекты семантики местоимений. — М.: Издательство ЛКИ, 2010.
13. Падучева Е.В. О производных диатезах отглагольных имен в русском языке. // Статьи разных лет. — М.: Языки славянских культур, 2009.
14. Гак В.Г. Номинализация сказуемого и устранение субъекта. // Синтаксис и стилистика. — М.: Наука, 1976.
15. Розанова В.В. Синонимия устойчивых глагольно-именных сочетаний в современном русском языке. // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. — М.-Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1966.
16. Телия В.Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке. — М.: Наука, 1981.
17. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. — М.: Наука, 1975.
18. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. / Под ред. А.В. Бондарко и др. — СПб.: Наука, 1996.
19. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. / Под ред. А.В. Бондарко и др. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
20. Зализняк Анна А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи касается глагольно-именной дескрипции в современной устной русской речи. В начале труда автор отмечает, что «в русском языке наряду с глагольными лексемами активно используются неоднословные конструкции, которые в отечественной лингвистической традиции принято называть описательными предикатами или глагольно-именными дескрипциями (именно этот термин будет использоваться в настоящей работе)», «представления о стилистической специфике таких оборотов их роль в устной речи оказывается практически неизученной. В связи с этим кажется крайне актуальной задача исследования дескрипций, которые воспроизводятся или производятся в неподготовленной устной речи, и сопоставления этих сочетаний с точки зрения их состава, семантики и функций с оборотами, характерными для письменных текстов». Таким образом, материал в принципе актуален, дискуссионен, по-своему нов; думается, что работа отчасти может стать импульсом для формирования новых научных изысканий. В качестве рабочего материала «были выбраны 10 русскоязычных подкастов[2] (звуковых передач, распространяющихся в интернете), записанных в 2020 г. Наиболее адекватным задаче изучения функционирования дескрипций в неподготовленной разговорной речи представляется формат разговорного жанра, предполагающий свободный диалог двух или более собеседников. Подкасты различаются по числу ведущих (от двух до пяти), а также по их возрасту (от 20 до 45 лет) и полу (ведущие — только женщины, только мужчины или смешанные группы). В ходе исследования было проанализировано 10 выпусков каждого из подкастов (т. е. всего 100 выпусков)». Думаю, что открытость данных также является явным плюсом, да и иллюстративный фон не такой часто используемый; отмечу, что методы исследования актуальны, они соотносятся с оценкой лингвистических вопросов, ценз аналитики выдержан на протяжении всей работы. В вводной части указано, что «в статье изложены результаты анализа речи с вербализаторами делать / сделать, давать / дать, проводить / провести, вести как наиболее частотными глаголами в составе дескрипций, способными сочетаться с широким кругом имен действия». Текст дробится на т.н. смысловые блоки, это удобно для полновесной разверстки вопроса, здесь же решается проблема соотнесенности «теории» и «практики». Примеров по ходу работы достаточно, они ярки, точны, ситуативны: например, «очевидной причиной для использования дескрипции представляется отсутствие в языке глагола, на который этот оборот можно было бы заменить. Зачастую в качестве субстантивных компонентов в составе таких сочетаний выступают заимствованные слова, от которых в русском языке не были образованы глаголы: (1) Я сделала декомпозицию, значит, своего заработка, чтобы понять, сколько мне брать за сессию... («Давай по чесноку», выпуск от 14.10.2020). (2) Я не пытаюсь, там, делать комплименты продавцам в «Пятерочке» или соседям... («Мы расстались», выпуск от 23.06.2020). (3) Давай сделаем паузу в путешествиях и позвоним в «Альфа-Банк». («Деньги пришли», выпуск от 28.08.2020)» и т.д. Считаю, что разговорная (устная) речь, которая является «объектом» изучения данной статьи, оценивается полновесно, а главное в рамках актуальных «оборотов», «номинаций»: например, «семантика лексемы ресерч также не в полной мере совпадает со значением русского существительного исследование (значение которого формулируется в [8] через ссылку к толкованиям глагола исследовать — 'подвергнуть (подвергать) научному рассмотрению в целях познания, выяснения чего-л.' и 'тщательно осмотреть (осматривать) кого-, что-л., внимательно ознакомиться (знакомиться) с чем-л. для установления, выяснения чего-л.')». Употребление существительного ресерч, во-

первых, не предполагает контекста академической деятельности субъекта, а во-вторых, ослабляет семантический компонент углубленного, тщательного, длительного рассмотрения вопроса». Ссылки даются по ходу всего сочинения, в принципе они верны, правка излишня. Как уже было отмечено, новизна данной работы в нетривиальном выборе материала, который мало еще изучен, исследован в массе критических источников. Стиль соразмерен научному типу; термины / понятия используются в режиме универсальных коннотаций: например, «Одной из наиболее часто упоминаемых в литературе причин выбора неоднословного выражения акционального значения является необходимость распространения при помощи числительного (или другого кванторного слова) или согласованного определения, которое неспособно вступать в подчинительную связь с глагольной лексемой, но может образовать сочетание с существительным (см. об этом, например, [9: 90] и [2: 447]). В этом отношении коммуникативная значимость дескрипций представляется крайне высокой, так как сочетания с адъективным распространителем при имени позволяют говорящему охарактеризовать ситуацию в тех ее аспектах, которые не могут получить отражение в высказывании с глагольной лексемой» и т.д. Логика переходов регулируется т.н. «языковыми связками»: «Можно отметить, что экспрессивные суффиксы в целом менее характерны для морфемного состава акциональных существительных, чем для структуры имен с предметным значением. Так, в разделе, посвященном оценочным наименованиям в [11], приводится 10 суффиксов, способных образовывать дериваты с соответствующей окраской, и все они используются преимущественно для образования предметных имен, ср. деталька, наборчик, плакатик, картоха (при наличии, впрочем, и таких менее типичных дериватов, как перекурчик и обедуха) [11: 68]. Можно предположить, что отношение говорящего к предмету действительно чаще оказывается более личным, субъективным, чем отношение к действию, представленному как факт, — с одной стороны, отвлечененному от своей акциональности, с другой стороны, не обладающему достаточной степенью предметности». На мой взгляд, «оживили» бы работу ссылки на статьи, монографии, исследования последних двух-трех лет, источники классического типа не исключаю, однако новые наработки также желательны. Автор в finale отмечает, что «в результате проведенного анализа представляется возможным заключить, что выбор глагольно-именной дескрипции как особого способа обозначения действия не только регулярно встречается в устной речи, но и не является случайным. Анализ приведенных выше контекстов демонстрирует функционально-семантическую специфику таких сочетаний и высокую коммуникативную значимость, которую не следует недооценивать, рассматривая их исключительно как черту официально-делового или книжного стиля». Материал может быть интересен профильной читательской аудитории, либо исследователям которые занимаются изучением современной устной русской речи, частично информационные блоки исследования можно использовать в вузовской практике. В целом же: общие требования издания учтены, цель достигнута, фактические нарушения не выявлены; работа самостоятельна, оригинальна, интересна. Рекомендую статью «Глагольно-именные дескрипции в современной устной русской речи: опыт анализа» к публикации в журнале «Litera» ИД «Nota Bene».